

- исследований. – 2008. – № 2. – С. 57-61. – URL: http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content124547934194294file.pdf.
6. Шиженский 2015. Шиженский Р. В. Современный языческий рейтинг исторических деятелей России (по данным полевых исследований) // *Colloquium heptaplomeres*. – 2015. – № 2. – С. 19-29.
7. Шиженский 2016. Шиженский Р.В., Суroweгина Е.С. Языческая толерантность: опыт анкетного опроса // *Colloquium heptaplomeres*. Научный альманах / Сост. А.А. Бесков, Р.В. Шиженский. – Вып. 3. – Нижний Новгород: Мининский университет, 2016. – С. 29-35.

ШУБАРО О. В.

КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ
КУЛЬТУРЫ ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК БЕЛОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

САКРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС КАК УСЛОВИЕ ПОИСКА СМЫСЛА ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Представления о феномене сакрального находятся в фундаменте культурной традиции во все времена – даже в контексте современной секулярной культуры: ведутся ли споры о «смерти Бога» или, наоборот, о «религиозном ренессансе», «теологическом повороте», – проблема сакрального оказывается в центре дискуссий.

Сакральное представляет собой комплексный феномен, сущность которого раскрывается посредством вербального или невербального способов коммуникации (тексты, языковые формулы, обряды, ритуалы, сакральное молчание, звуковое сопровождение богослужения, иконографические каноны, архитектура храма и др.). В этом смысле сакральный дискурс задает по отношению к сфере обыденного и земного особую формально-смысловую организованность семиотического пространства. Семиотическое пространство формирует особый тип дискурса – сакрального, – который возникает как специфический вид коммуникации, насыщенный сложными конвенциональными знаками – образами и символами. Таким образом, сакральный дискурс как разновидность институционального дискурса создается в определенном смысловом поле, в континууме которого он призван передавать определенные смыслы, фундирующие коммуникативные действия.

Основной сферой, в которой происходит процесс порождения и функционирования сакральных образов и символов, является вера. Манифестация веры осуществляется в религиозных актах (таинства, богослужение), религиозных текстах (тексты Откровения, проповеди), культовом искусстве (музыка, живопись, архитектура) и др. Следовательно, опыт сакрального / священного основан на вере. Религиозная традиция является, по сути, опытом веры или, по словам М. Элиаде, «опытом священного». «Очень жаль, – писал М. Элиаде, – что у нас нет более точного слова, чем «религия», для обозначения опыта священного. Разве не странно обозначать одним и тем же словом опыт Ближнего Востока, иудаизма, христианства, ислама, буддизма, конфуцианства и так называемых примитивных народов? Но искать новый термин поздно, и мы можем использовать понятие «религия», если будем помнить, что оно не обязательно предполагает веру в Бога, богов или духов, но означает ОПЫТ СВЯЩЕННОГО и, следовательно, связано с идеями СУЩЕСТВОВАНИЯ, ЗНАЧЕНИЯ и ИСТИНЫ» [1, 45].

Вера – это дар встречи, при котором божественный Разум (Логос) устанавливает в пространстве человеческого разума свой закон, которому человеческий разум должен следовать. По словам одного из основателей диалектической теологии К. Барта, «если это происходит, то человек приходит к познанию, поскольку, если Бог учреждает свой закон в человеческом мышлении, его видении и слышании, то происходит и откровение относительно человека, который сам по себе не может свершить то, что свершается Богом». [2,40]

Откровение – это самораскрытие Бога человеку в ответ на человеческое желание познать своего Создателя. Человек ограничен во времени и в пространстве своего существования: как часть не может познать целое, так и человек, будучи ограниченным в своих возможностях, не может познать силой своего ума причинно-следственные связи, смысл существования Вселенной, равно как и смысл своей собственной жизни. Эти вопросы относят обычно к категории «вечных» вопросов, «экзистенциальных дихотомий» (Э.Фромм). Но эти вопросы возникают в сознании каждого человека и требуют их разрешения.

Следует отметить, что, кроме убеждения в существовании Бога, человек желает личного с Ним общения: религия начинается не с признания Бога, а с общения с Ним. В этом смысле вера в Бога рассматривается, прежде всего, как отношение человека к Богу: «в вере человек познает действительность, находит в ней смысл, переживает его и стремится утвердить его своими поступками» [3, 46].

Сфера сакрального предполагает возможность общения человека с Богом, что можно охарактеризовать как субъект-субъектное общение – общение двух личностей: человеческой и сверхъестественной Личности Бога. Раскрываясь человеку, Бог сообщает ему знание о Себе сверхъестественным образом. В содержание сверхъестественного откровения входит предсказание будущего, раскрытие промысла Бога, истолкование религиозно-нравственных истин, которые превышают возможности и способы человеческого познания.

Таким образом, восприятие непосредственного волеизъявления Бога свидетельствует о том, что человек обладает религиозным опытом общения с Богом, целью которого было постижение абсолютной истины. В этой ситуации когнитивная составляющая религиозного опыта расценивается как богооткровенное знание, способствующее осознанию абсолютной значимости и ценности воспринятых в результате Откровения смыслов, их сакрального статуса и сотериологической направленности.

Однако момент наивысшей встречи – Откровение – не есть просто переживание или осознание причинно-следственных связей.

Откровение это, по словам М.Бубера, «неизреченное подтверждение смысла» [4, 104]. Известный иудейский философ полагал, что «человек, выходящий из сущностного акта чистого отношения, имеет в

своем существе некое Еще, нечто приращенное, о котором он прежде не знал и происхождение которого он не может объяснить» [4, 103]. Это нечто – бремя Смысла, которое не облегчает человеку жизнь, а отягощает ее. И главное в Откровении – это осознание единства Я-Ты, осознание наличия подлинного и непосредственного взаимоотношения, при котором «вечное Ты» не может восприниматься как отчужденное «вещное Оно». В этой ситуации непосредственных отношений Я-Ты все опосредующее теряет значимость, а все разъединенное переходит в целостность. В этом смысле высшей ценностью в семиотическом пространстве религиозного дискурса обладает сфера трансцендентного, поскольку в наличной действительности нет единства бытия: «Сильнейшая и глубочайшая действительность есть там, – писал М. Бубер, – где все входит в действие, весь человек целиком, без остатка, и всемогущий Бог – сплавленное воедино Я и безграничное Ты» [4, 87].

Таким образом, одной из главных особенностей сакрального дискурса является его установка на диалогичность: вера является способом познания Бога, которое возможно через мистическое Богообщение, через постоянный диалог «Я» и «Ты». В этом смысле субъект сакрального дискурса (Я) не имеет опыта подлинного одиночества, понимаемого не только как покинутость или оставленность, но и как дистанция по отношению к адресату (Ты). Глубоко верующий человек «не остается по-настоящему один, ибо даже тогда, когда рядом с ним нет людей, его утешающий или грозный Бог всегда рядом, и его присутствие дано как нечто до крайности насущное, конкретное, осязаемое, так что для холодной интеллектуальной отстраненности от всего сущего просто не остается места» [5, 213]. Пространство сакрального дискурса формируется внутри непосредственно жизненного общения говорящего (S) с Богом («вечным Ты») и с себе подобными. «Встреча с Богом, – по словам М. Бубера, – дается человеку не ради того, чтобы он был занят только Богом, но ради того, чтобы он подтвердил смысл в мире. Всякое Откровение есть призвание и послание» [4, 107-108].

Откровение можно воспринимать, во-первых, как фиксированное в тексте. Отсюда Библия – сакральный текст, поскольку в ней зафиксировано Откровение Бога; во-вторых, как непосредственный процессуальный диалог (встреча Я и Ты). Значимость Откровения, значимость сакрального дискурса, «жажда слышания слов Господних» (Амос 8:11) как это не парадоксально звучит, обретает особую актуальность в современной культуре (в значительной степени секулярной; особенно, если говорить о западной традиции).

Известный австрийский психотерапевт В. Франкл считал, что современный человек уже не столько страдает от чувства неполноценности, сколько от глубинного чувства утраты смысла, которое соединено с ощущением пустоты. В современной культуре специфика проблем человека обсуждается то в контексте психоанализа, акцентировавшего внимание на принципе удовольствия («воля к удовольствию»), то в контексте индивидуальной психологии – стремление к статусу («воля к власти»). Но духовное начало в человеке свидетельствует о врожденном желании придать своей жизни смысл – о «воле к смыслу». Возможно, этим объясняются поиски человеком Бога, желание общения с Ним, ведь «духовность» в человеке от Духа Святого. В этом смысле религиозный опыт можно обозначить как духовный опыт, поскольку он направлен на сферу сверхъестественного, сакрального: «духовный опыт как раз и предполагает не знание объективных законов, а готовность принять невероятную ситуацию и вынести ее, сохранив верность чему-то, что знает наше сердце, – и только этому, потому что все остальное должно отбросить, оказавшись в руках Бога Живого» [6, 101].

Современный человек, человек с подавленной религиозностью, т.е. руководствующийся исключительно ориентацией на посясторонний мир, утратил четкое представление о том, что он хочет, к чему ему нужно стремиться, каким ценностям следовать. Если в мире животных господствуют инстинкты, то человек, потерявший способность к поиску смысла (а в психоанализе «воля к смыслу» рассматривается как невротический комплекс), не только отрицает одно из главных своих достоинств, но и оказывается в ситуации экзистенциального вакуума, когда жизнь кажется абсурдной и бессмысленной. По мнению В.Франкла, такое состояние можно назвать «ноогенным неврозом» – утратой смысла жизни. У таких людей преобладает чувство пустоты, бессмысленности, тщетности: «все – суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!» (Еккл. 2:11). В переводе с иврита «суета» означает «дым, прах, ничтожество», а «суета сует» – это высшая степень тщетности. Для древнегреческой философии вечный круговорот бытия был знаком стабильности, упорядоченности мира, космоса, противостоящего хаосу и неупорядоченности. Но то, что для древних философов было знаком стабильности, для автора Книги Екклезиаста является причиной страдания, так как вечный круговорот Вселенной создает ощущение бесплодности и бессмысленности всего, свидетельствует об отсутствии смысла и цели.

Один из актуальных вопросов современной культуры: где обрести опору человеку в этом бренном и изменном мире, в котором все «суета» и «томление духа» («бессмысленная ловля ветра»? Многое не дано понять человеку: «Смотрите на действовавшие Божие: ибо кто может выпрямить то, что Он сделал кривым?» (Еккл. 7:13).

Один из способов преодоления подобного рода проблемы – верить в Сверхсмысл. Человеку не доступен Сверхсмысл в абсолютном понимании, но поиск его – пусть на это уйдет вся жизнь – помогает человеку в его развитии, в самоактуализации. «Быть человеком, – по В.Франклу, – означает быть обращенным к смыслу, требующему осуществления, и ценностям, требующим реализации». [7, 285].

Человек несет ответственность за нахождение истинного смысла ситуации. Смысл не существует в готовом виде, он не является универсальным: его нужно найти, обнаружив уникальный смысл в ситуации. Уникальной способностью руководить человеком в его поиске истинного смысла обладает совесть. Совесть – это «интуитивная способность» человеческой души, интуиция сверхсмысла, которая может рассматриваться как неосознаваемая религиозность (трансцендентность) человека. Именно в самотрансценденции заключается сущность человеческого существования. По словам основателя логотерапии, «человеческое бытие всегда стремится за пределы самого себя, всегда устремляется к смыслу. Тем самым главным для человеческого бытия является не наслаждение или власть и не самоосуществление, а скорее осуществление смысла» [7, 335].

Нахождение смысла необходимо для выживания человечества («тот, кто знает, зачем жить, преодолет

почти любое как» Ф.Ницше). Если неосознаваемая религиозность связана с такой интуитивной способностью души, как совесть, то осознаваемым референтом можно назвать Бога – «партнера в наших наиболее интимных разговорах с самим собой» (В.Франкл).

Таким образом, задаваться вопросом о смысле жизни означает быть религиозным, а условием для преодоления экзистенциального вакуума становится включенность в пространство сакрального дискурса. Поиск смысла жизни формирует определенную ценностную иерархию, определяет тип ориентировочной деятельности, предполагает построение системы ценностно-смысловых координат жизненного пути. В современном обществе, в котором достаточно распространенным явлением становится ценностная дезориентация, характеризующаяся нарушением или потерей понимания субъективной значимости и смысла явлений действительности, вера в Сверхсмысл (ср. вера в Бога), ориентация на сакральные ценности позволяют человеку не только сформировать систему представлений и определить субъективную значимость предметов и явлений действительности, но и составить схему своих действий, а также осуществить деятельность по ее выполнению.

Литература:

1. *Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде; коммент. Е. Строгановой. – М.: Инвест-ППП, 1995.- 237 с.*
2. *Барт, К. Очерк догматики: Лекции, прочитанные в Университете Бонна в летний семестр 1946 года / К.Барт; пер. Ю.А. Кимелева. СПб.: Алетейя, 1997. – 272 с.*
3. *Двойнин, А.М. Психология верующего: Ценностно-смысловые ориентации и религиозная вера личности / А.М. Двойнин. – СПб.: Речь, 2011. – 224 с.*
4. *Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер // Два образа веры. – М.: АСТ, 1999. – 592 с. – С. 24-121.*
5. *Аверинцев, С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность». Противостояние и встреча двух творческих принципов / С.С. Аверинцев // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира: Сборник статей. – М.: Наука, 1971. – 311 с. – С. 206-251.*
6. *Михайлова, М.В. Эстетика молчания: Молчание как апофатическая форма духовного опыта / М.В. Михайлова. – М.: Никая, 2011.- 320 с.*
7. *Франкл, В. Человек в поисках смысла: Сборник / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1991.- 368 с.*

ВОРОБЬЕВА С. В.

КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ
КУЛЬТУРЫ ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК БЕЛОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЯЗЫК КАК ФОРМА ПРИСУТСТВИЯ СОЗНАНИЯ В КУЛЬТУРЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Современная государственная социальная и культурная политика РБ направлена на сохранение объектов материального и духовного культурного наследия страны и включения его в социокультурный контекст. Сегодня социокультурное развитие Беларуси невозможно представить как без реализации проектов реставрации и реконструкции материальных памятников истории и культуры, включения их в современный культурный контекст, так и без актуализации духовных традиционных ценностей, направленных на сохранение национальной идентичности и нравственное воспитание личности.

Многочисленные наблюдения исследователей показывают, что культурное наследие каждого народа, развиваясь под влиянием различных факторов – историко-политических, социально-экономических и культурных – сохраняет свое ядро – традиции, неотрывно связанные с историческими корнями, базирующимися на опыте жизнедеятельности народа.

Более того, культурное наследие сегодня, в эпоху глобализации, можно рассматривать как составную часть стратегии модернизации общества, без знания и понимания которого невозможно полноценное развитие страны как уникального социокультурного и политического центра.

Не случайно в работах современных исследователей, как отмечает Окольникова С.А. [3], наметился «ренессанс» интереса к фольклору: «наследие» и «традиции», наряду с «инновацией», становятся теми концептами, вокруг которых разворачиваются научные дискуссии, имеющие не только теоретическое значение, но и практическое применение.

Сохранение народом своих национальных культурных традиций, ценностей и идеалов сегодня сопряжено с рядом трудностей. Это во многом связано с процессом глобализации: тенденцией унификации и стандартизации жизни, пропагандой моделей культурного развития экономически и технологически передовых стран.

Противостоять процессам глобализации и сохранить национальную специфику возможно только при чётко выработанной стратегии культурного развития.

Современное культурное развитие должно базироваться на актуализации ценностей и идеалов, свойственных ряду близких народов, заинтересованных в сохранении своей уникальности, национальной специфики. Наличие общих черт, общих традиций, общего культурного прошлого в генетически и территориально близких культурах помогает противостоять негативным процессам современности и выработать общую концепцию по сохранению культурной специфики каждого из народов.

На протяжении тысячелетнего развития в культурах народов-соседей возникали общие элементы и традиции, обусловленные как этническими, так и геополитическими особенностями.

Восточнославянские народы имеют общие языческие корни и одну христианскую культуру. Очень многие обычаи и обряды восточных славян близки как по форме, так и по содержанию. Это может стать хорошей базой для сохранения национально-культурной специфики каждого из народов. Многие в этом направлении делается уже сейчас.